

Михаил Лермонтов

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пусть она поплачет -
Ей ничего не значит!

1840

Михаил Лермонтов

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Михаил Лермонтов

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим неизвестной
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

Г.Р. Державин

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасти от бед невинных.
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!
Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!
1780(?)

В.А. Жуковский

Невыразимое

Отрывок

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но лзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья -
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена,-
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать -
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам - сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката -
Сии столь *яркие черты* -
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой,-
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внеплемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье -
Какой для них язык?.. Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

Ф.И. Тютчев

Зима не даром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопчет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.
〈1836〉

М.И. Цветаева

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей - сколько? -
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
- Бабушка! - Этот жестокий мятеж
В сердце моем - не от вас ли?
1914

Марина Цветаева

Стихи к Блоку

Имя твое - птица в руке,
Имя твое - льдинка на языке,
Одно единственное движение губ,
Имя твое - пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое - ах, нельзя! -
Имя твое - поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое - поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим - сон глубок.

1916 – 1921

Марина Цветаева

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц оцетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все — равно, и все — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

3 мая 1934

Б.Л. Пастернак

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колес,
Перенестись туда, где ливень
Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.
<1912, 1928>

Борис Пастернак

Сестра моя - жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грозу лиловы глаза и газоны
И пахнет сырой резедой горизонт.

Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней святого писанья
И черных от пыли и бурь канапе.

Что только нарвется, разлаявшись, тормоз
На мирных сельчан в захолустном вине,
С матрацев глядят, не моя ли платформа,
И солнце, садясь, соболезнает мне.

И в третий плеснув, уплывает звоночек
Сплошным извиненьем: жалею, не здесь.
Под шторку несет обгорающей ночью
И рушится степь со ступенек к звезде.

Мигая, моргая, но спят где-то сладко,
И фата-морганой любимая спит
Тем часом, как сердце, плеща по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи.

1917

Борис Пастернак

Свидание

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волнением
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка, и фигура,
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик слажен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?
1949

Борис Пастернак

Ночь

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, какой в афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,

Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,

Не предавайся сну.

Ты - вечности заложник

У времени в плену.

1956

Н. Заболоцкий

Метаморфозы

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь,
На самом деле то, что именуют мной,-
Не я один. Нас много. Я - живой
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко
Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый,
Мой бедный прах, когда-то так любимый.

А я все жив! Все чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И знак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре -
Орган поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.

Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.

Вот так, с трудом пытаюсь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!
1937

Н. Заболоцкий

Не позволяй душе лениться

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!
1958

Н. Заболоцкий

Некрасивая девочка

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье,-
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
1955

А.Т. Твардовский

В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

Горбушка хлеба, две картошки -
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью - в рот.

Стремглав попутные машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
- Сынок, должно быть сирота?

И на лице, в глазах, похоже,-
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый все про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
- Ну, сирота.- И тотчас:- Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.
1943

Тимур Кибиров

Шаганэ ты моя, Шаганэ,
потому что я с Севера, что ли,
по афганскому минному полю
я ползу с вещмешком на спине...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Тихо розы бегут по полям...
Нет, не розы бегут — персияне.
Вы куда это, братья-дехане?
Что ж вы, чурки, не верите нам?..
Тихо розы бегут по полям...

Я сегодня сержанта спросил:
«Как сказать мне «Люблю» по-душмански?»
Но бессмысленным и хулиганским,
и бесстыжим ответ его был.
Я сегодня сержанта спросил.

Я вчера замполита спросил:
«Разрешите, — спросил, — обратиться?
Обрывать в наш березовый ситец
Гулистан этот хватит ли сил?»
Зря, наверно, его я спросил.

Шаганэ-маганэ ты моя!
Бензовоз догорает в кювете.
Мы в ответе за счастье планеты.
А до дембеля 202 дня.
Шаганэ ты, чучмечка моя.

Шаганэ ты моя, маганэ!
Там, на Севере, девушка Таня.
Там я в клубе играл на баяне.
Там Есенин на белой стене...
Не стреляй, дорогая, по мне!

И ползу я по этому полю —
синий май мой, июнь голубой!
Что со мною, скажи, что со мной
я нисколько не чувствую боли!
Я нисколько не чувствую боли...

Даниил Хармс

ИВАН ТОПОРЫЖКИН

Иван Топорыжкин пошел на охоту,
С ним пудель пошел, перепрыгнув забор,
Иван, как бревно провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорыжкин пошел на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорыжкин пошел на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.
Иван как бревно перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.

Даниил Хармс

КАК ВОЛОДЯ БЫСТРО ПОД ГОРУ ЛЕТЕЛ

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.

На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели -
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели -
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели -
И на зайца налетели.

Вот и заяц,
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели -
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы.

Даниил Хармс

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
"Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!"

Александр Кушнер

Быть нелюбимым! Боже мой!..

Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.
Какая мука, благодать
Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.
Какая жизнь - сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье - ждать письма
По месяцам - и не дожждаться.
Кто нам сказал, что мир у ног
Лежит в слезах, на все согласен?
Он равнодушен и жесток.
Зато воистину прекрасен.
Что с горем делать мне моим?
Спи. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!

Тимур Кибиров

Была такая песенка
во времена Хрущева,

как бы антисоветская,
ироничная как бы,
очевидно, стилижъя
по происхождению

(Впрочем, черт ее знает —
может, в истоке
шутка эстрадная
куплетистов-сатириков?) —

«Не ходите, дети, в школу!
Пейте, дети, кока-колу!
Заводите радиолу!
И танцуйте
рок-н-ролл!»

О, как мы мечтали об этом!
О, как мы мечтали!..

И, судя по всему воспоследовавшему, —
только об этом.

Странно и страшно,
но надо признать.

Арсений Тарковский

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать,—
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разоренной войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой,—

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук,
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

Евгений Евтушенко

ПОТЕРЯ

Потеряла Россия
в России
Россию.
Она ищет себя,
как иголку в стогу,
как слепая старуха,
бессмысленно руки раскинув,
с причитаньями ищет
буренку свою на лугу.
Мы сжигали иконы свои.
Мы не верили собственным книгам.
Мы умели сражаться лишь с пришедшей бедой.
Неужели не выжили мы
лишь под собственным игом,
сами став для себя
хуже, чем чужеземной ордой?
Неужели нам жить суждено
то в маниловском, молью побитом халате,
то в тулупчике заячьем драном
с плеча Пугача?
Неужели припадочность —
это и есть наш характер,
то припадки гордыни,
то самооплева —
и все сгоряча?
Медный бунт, соляной и картофельный —
это как сон безопасный.
Бунт сплошной —
вот что Кремль сотрясает сегодня,
как будто прибой.
Неужели единственный русский наш
выбор злосчастный —
это или опричнина
или разбой?
Самозванство сплошное.
Сплошные вокруг атаманы.
Мы запутались,
чьи имена и знамена несем,
и такие туманы в башках на Руси,
растуманы,
что неправы все сразу,
и все виноваты во всем.
Мы в туманах таких
по колено в крови набродились.
Хватит, Боже, наказывать нас.
Ты нас лучше прости,
пожалей.
Неужели мы вымерли?

Или еще не родились?
Мы рождаемся снова,
а снова рождаться — еще тяжелей.

Владимир Высоцкий

Милицейский протокол.

Считать по-нашему, мы выпили не много.
Не вру, ей-бога! — скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок —
То что б нам было с пяти бутылок!
Вторую пили близ прилавка в закуточке,
Но это были ещё цветочки!
Потом — в скверу, где детские грибочки,
Потом — не помню, дошёл до точки.
Ну еще б: я пил из горлушку, с устатку и не евши!
Но я как стекло был — то есть остекленевший.
А уж когда коляска подкатила,
Тогда в нас было семьсот на рыло.
Мы, правда, третьего насильно затащили,
Ну, тут — промашка, переборщили.
А что очки товарищу разбили,
Так то портвейном усугубили.
Товарищ первый нам сказал, что "вы уймитесь!",
Что "не буяньте!", что "разойдитесь!"
На "разойтись" я сразу ж согласился —
И разошёлся — то есть расходился.
Но если я кого ругал, карайте строго!
Но это вряд ли — скажи, Серега!
А что упал — дак то от помутнения,
Орал не с горя — от отупенья.
...Теперь дозвоьте пару слов без протокола.
Чему нас учит семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго,
правильно?
Тут мы согласны — скажи, Серега!
Вот он проснётся утром — он, конечно, скажет:
"Пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет!"
Так отпустите, вам же легче будет:
Ну чо возиться, раз жизнь осудит!
Вы не глядите, что Серёжа все кивает,—
Он соображает, всё понимает!
А шо молчит — так это от волнения,
От осознания и просветления.
И не запирайте, люди, плачут дома детки!
Ему же — в Химки, а мне — в Медведки!
Да всё равно! Автобусы не ходют,
Метро закрыто, в такси не содят.
Приятно всё-таки, что нас тут уважают.
Гляди, подвозят, Серёга, гляди, сажают!
Разбудит утром не петух, прокукурекав,—
Сержант поднимет — то есть, как человек.
Нас чуть не с музыкой проводят, как проспимся.
Я рупь заначил — слышь, Сергей, — опохмелимся!

И все же, брат, трудна у нас дорога.
Эх, бедолага! Ну, спи, Серёга!..

Иосиф Бродский

...и при слове "грядущее" из русского языка
выбегают черные мыши и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр дырявой.
После стольких лет уже безразлично, что
или кто стоит у окна за шторой,
и в мозгу раздается не земное "до",
но ее шуршание. Жизнь, которой,
как дареной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

1975

Иосиф Бродский

25.XII.1993

М. Б.

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
шепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.

И чудо свершится. Зане чудеса,
к земле тяготeya, хранят адреса,
настолько добраться стремясь до конца,
что даже в пустыне находят жильца.

А если ты дом покидаешь -- включи
звезду на прощанье в четыре свечи
чтоб мир без вещей освещала она,
вослед тебе глядя, во все времена.

1993

Иосиф Бродский

Наряду с отоплением в каждом доме
существует система отсутствия. Спрятанные в стене
ее беззвучные батареи
наводняют жилье неразбавленной пустотой
круглый год, независимо от погоды,
работая, видимо, от сети
на сырье, поставляемом смертью, арестом или
просто ревностью. Эта температура
поднимается к вечеру. Один оборот ключа,
и вы оказываетесь там, где нету
никого: как тысячу лет назад
или несколько раньше: в эпоху оледененья,
до эволюции. Узурпированное пространство
никогда не отказывается от своей
необитаемости, напоминая
сильно зарвавшейся обезьяне
об исконном, доледниковом праве
пустоты на жилплощадь. Отсутствие есть всего лишь
домашний адрес небытия,
предпочитающего в итоге,
под занавес, будучи буржуа,
валунам или бурому мху обои.
Чем подробней их джунгли, тем несчастнее обезьяна.

<1993>

Н.С. Гумилёв

Жираф

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав.
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
<Сентябрь 1907>, Париж

О.Э. Мандельштам

Дано мне тело - что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пусть мгновения стекает муть
Узора милого не зачеркнуть.
1909

Семён Гудзенко

Мое поколение

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Расцвели и опали... Проходит четвертая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремесел,
нам досталась на долю нелегкая участь солдат.

У погодков моих ни стихов, ни любви, ни покоя -
только сила и зависть. А когда мы вернемся с войны,
все долюбим сполна и напишем, ровесник, такое,
что отцами-солдатами будут гордиться сыны.

Ну, а кто не вернется? Кому долюбить не придется?
Ну, а кто в сорок первом первую пулей сражен?
Зарыдает ровесница, мать на пороге забьется,-
у погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жен.

Кто вернется - долюбит? Нет! Сердца на это не хватит,
и не надо погибшим, чтоб живые любили за них.
Нет мужчины в семье - нет детей, нет хозяина в хате.
Разве горю такому помогут рыданья живых?

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду,- она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат,-
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

А когда мы вернемся,- а мы возвратимся с победой,
все, как черти, упрямы, как люди, живучи и злы,-
пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду,
чтоб на ножках дубовых повсюду ломились столы.

Мы поклонимся в ноги родным исстрадавшимся людям,
матерей расцелуем и подруг, что дождались, любя.
Вот когда мы вернемся и победу штыками добудем -
все долюбим, ровесник, и работу найдем для себя.

1945

Семён Гудзенко

Перед атакой

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
 можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
 и умирает друг.
И значит — смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним
 идет охота.
Будь проклят
 сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
 и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
 не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий.
 А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
 я кровь чужую.
1942

Сергей Есенин

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.
1918

А.С. Пушкин

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *снова, слова, слова**.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
- Вот счастье! вот права...

* Hamlet. (Примеч. А.С.Пушкина.)

1836

Роберт Рождественский

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Был он рыжим,
как из рыжиков рагу.
Рыжим,
словно апельсины на снегу.
Мать шутила,
мать веселою была:
«Я от солнышка сыночка родила...»
А другой был чёрным-чёрным у неё.
Чёрным,
будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она,
говорила:
«Слишком ночь была черна!..»
В сорок первом,
в сорок памятном году
прокричали репродукторы беду.
Оба сына, оба-двое, соль Земли —
поклонились маме в пояс.
И ушли.
Довелось в бою почуять молодым
рыжий бешеный огонь
и черный дым,
злую зелень застоявшихся полей,
серый цвет прифронтовых госпиталей.
Оба сына, оба-двое, два крыла,
воевали до победы.
Мать ждала.
Не гневила,
не кляла она судьбу.
Похоронка
обошла её избу.
Повезло ей.
Привалило счастье вдруг.
Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей.
Повезло ей!
Повезло!—
Оба сына
воротились в село.
Оба сына.
Оба-двое.
Плоть и стать.
Золотистых орденов не сосчитать.

Сыновья сидят рядом — к плечу плечо.
Ноги целы, руки целы — что еще?
Пьют зеленое вино, как повелось...
У обоих изменился цвет волос.
Стали волосы —
 смертельной белизны!
Видно, много
белой краски
у войны.

1972

Булаг Окуджава

МОЛИТВА

Пока Земля еще вертится,
пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
чего у него нет:
мудрому дай голову,
трусливому дай коня,
дай счастливому денег..
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится —
Господи, твоя власть!—
дай рвущемуся к власти
навластвовать всласть,
дай передышку щедрому,
хоть до исхода дня.
Каину дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: ты все умеешь,
я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю,
как верит каждое ухо
тихим речам твоим,
как веруем и мы сами,
не ведая, что творим!

Господи мой Боже,
зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока ей еще хватает
времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

Булаг Ожуджава

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Осенний холодок.
Пирог с грибами.
Калитки шорох и простывший чай.
И снова
неподвижными губами
короткое, как вздох:
 «Прощай, прощай.»

«Прощай, прощай...»
Да я и так прощаю
все, что простить возможно,
обещаю
простить и то, чего нельзя простить.
Великодушным я обязан быть.

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих.
«Прощай, прощай...»
Прощаю все обиды,
обеды
у обидчиков моих.

«Прощай...»
Прощаю, чтоб не вышло боком.
Сосуд добра до дна не исчерпать.
Я чувствую себя последним богом,
единственным умеющим прощать.

«Прощай, прощай...»
Старания упрямы
(знать, мне лишь не простится одному),
но горести моей прекрасной мамы
прощаю я неведомо кому.
«Прощай, прощай...» Прощаю,
не смущаю
угрозами,
надежно их таю.
С улыбкою, размашисто прощаю,
как пироги,
прощенья раздаю.

Прощаю побелевшими губами,
покуда не повторится опять
осенний горький чай
пирог с грибами
и поздний час -
прощаться и прощать.

Борис Слуцкий

Физики и лирики

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья -
наши сладенькие ямбы,
и в пегасовом полете
не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
то-то лирики в загоне.
Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
а скорее интересно
наблюдать, как, словно пена,
оппадают наши рифмы
и величие степенно
отступает в логарифмы.
1959

Борис Слуцкий

Уже не любят слушать про войну
прошедшую,
и как я ни взгляну
с эстрады в зал,
томятся в зале:
мол, что-нибудь бы новое сказали.

Еще боятся слушать про войну
грядущую,
ее голубизну
небесную,
с грибами убивающего цвета.
Она еще не родила поэта.

Она не закусила удила.
Ее пришествия еще неясны сроки.
Она писателей не родила,
а ныне не рождаются пророки.

Ф. Тютчев

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
"Я поздно встал - и на дороге
Застигнут ночью Рима был!"
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был -
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!
<1829>, начало 1830-х годов

Ф. Тютчев

Сон на море

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшеббно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир -
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижим сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.
<1830>

Ф. Тютчев

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои -
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,-
Любуйся ими - и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,-
Питайся ими - и молчи.

Лишь жить в себе самом умей -
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,-
Внимай их пенью - и молчи!..

* Молчание! (лат).
<1829>, начало 1830-х годов